

Николай Владимирович Юшманов

Строй амхарского языка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю96

Ю96 **Юшманов Н.**
Строй амхарского языка / Николай Владимирович Юшманов – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 40 с.

ISBN 978-5-521-39495-1

ISBN 978-5-521-39495-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

учете известных морфологических и синтаксических расхождений. Так, языки галла и амхарский сильно расходятся между собой в морфологии и не совсем сходятся в синтаксисе, но каждый глагол галла имеет точный амхарский перевод, установленный исключительно стихийным взаимодействием.

В области синтаксиса вся абиссинская речь объединяется общим порядком основных членов предложения. Глагольное предложение строится по схеме „человек воду пьет“ (подлежащее, дополнение, сказуемое), именное предложение — по схеме „брат друг есть“ (подлежащее, сказуемое, связка). Большинство языков Абиссинии и Эритреи объединено в синтаксическом отношении еще дальше: родительный падеж перед словом, к которому относится („отца дом“); прилагательное перед существительным („большой дом“); вместо предлогов преимущественно послелоги („чего ради“); придаточное предложение предшествует главному („поглядеть чтобы, пришел“); прямая речь перед глаголом говорения („он *приходи к нам* сказал“). Одним словом перед нами типичный синтаксис агглютинативных языков, хотя морфология абиссинской речи флективна. Внеабиссинские семито-хамитские языки и даже классический язык Абиссинии геэз имеют диаметрально противоположный синтаксис („пьет человек воду“; „брат, он друг“; „дом отца“; „дом большой“; „ради чего“; „сказал он: приходи к нам“). Однако, некоторые языки Красноморья помещают родительный падеж, прилагательное и относительное предложение после слова, к которому принадлежат („дом отца большой, который вы видели“ вместо обычной абиссинской конструкции „который вы видели, большой отца дом“); эти языки — тигрэ, сомали и галла — в остальном почти всегда следуют обычному абиссинскому синтаксису. Таким образом взаимодействие языков привело не везде к одному результату: еще кое-где остались языки, сохранившие промежуточную позицию. Но половинчатость и противоречия в развитии сказываются и в языках с обычным абиссинским синтаксисом: предлоги и послелоги, будучи явлениями противоположного порядка, мирно уживаются друг с другом и даже разделили между собой роли (предлоги выражают более общие, широкие понятия, а послелоги — более частные, узкие понятия; нечто вроде немецкого *von Anfang an*).

Каким образом, однако, произошло соединение флективной морфологии с агглютинативным синтаксисом? Подпочвой семито-хамитских языков Красноморья являются, как мы уже говорили, суданские языки. Эти языки в большинстве своем аморфны и выражают грамматические отношения порядком слов в предложении; порядок слов „человек питье вода“ понимается там как „человека питье—вода“, т. е. „человек пьет воду“. Появление четкой формальной разницы между именем и глаголом, свойственное меньшинству суданских языков, взрывает старый строй и приводит к новому — агглютинативному, где наш пример превращается в „человек воды питье делает“, т. е. „человек воду пьет“. При переусвоении флективных семито-хамитских языков коренным населением Красноморья наступала неизбежная борьба

между обоими контрастными типами речи и, как правило, из наносного семито-хамитского материала сохранялась морфология и общая лексика, а из подпочвенного суданского, позже — кушитского, материала сохранялись синтаксис и частная лексика.

Фонетика интересующих нас языков столь мало изучена и в описательном и в историческом аспекте, что относительно единства звуковой системы Красноморья можно дать лишь отрывочные сведения. Наиболее характерными чертами абиссинской фонетики являются: отсутствие „п“ как самостоятельной звуковой единицы (фонемы), щелевое произношение „б“ после гласных (вроде „в“); склонность к согласным с губным округлением (лабиализацией); наличие согласных с гортанным взрывом (эктивных); семифонемная шкала гласных „и, е, ы, э, а, о, у“. Для кушитских языков характерны переднеязычные согласные с заворотом кончика языка к нёбу (ретрофлексные, какуминальные или церебральные) и склонность к свободной мене согласных одного места образования или близких по месту образования (отсюда свободная мена свистящих и шипящих в тигринья).

§ 3. Амхарский язык и его диалекты

Амхарский язык (амаринья) является самым важным языком современной Абиссинии. Литературное развитие его началось лишь в конце XVI или в начале XVII века несмотря на то, что прежний государственный язык — эфиопский (геэз) давно уже вымер. Будучи языком христианской церкви Абиссинии, геэз так же стеснял литературное развитие амхарского языка, как церковнославянский язык в свое время стеснял литературное развитие русского языка. Подобно тому, как между мертвым церковнославянским и живым русским языком был компромисс в виде так называемого славянорусского языка, в Абиссинии существовал компромисс между мертвым эфиопским и живым амхарским языком в виде так называемого летописного языка (*lṣane-tarik*).

В настоящее время в Абиссинии имеются типографии, где печатаются книги и газеты на амхарском языке, но литература, как уже было сказано, скудна.

Диалекты амхарского языка отличаются друг от друга незначительно и называются по провинциям (Гондар, Голжам, Шоа). Для многих абиссинцев амхарский язык является вторым языком после родного кушитского. Нынешняя столица Абиссинии, город Аддис-Абеба, находится в районе языка галла. Это способствует дальнейшему взаимодействию обоих языков. Во многих местах Абиссинии амхарский язык вытеснил или вытесняет другие языки. Таким образом, являясь очень важным языком Восточной Африки уже в наше время, амхарский язык имел шансы сделаться еще более важным языком в дальнейшем.

II. ФОНЕТИКА И ПИСЬМО

§ 1. Согласные

Пользуясь „Практическим письмом для африканских языков“, которое принято Международным институтом африканских языков и культур в Лондоне, приведем таблицу классификации согласных амхарского языка:

По способу образования По месту образования	Шумные						Сонорные			
	Смычные			Щелевые			Носовые	Боковые	Дрожащие	Полугласные
	Глухие	Звонкие	Резкие	Глухие	Звонкие	Резкие				
Губногубные	p	b	p'		v		m			▼
Губнозубные				f						
Переднеязычные	t	d	t'	s	z	s'	n	l	r	
Среднеязычные	c	j	c'	ʃ	ʒ		ny			y
Заднеязычные	k	g	k'	x			ŋ			
Гортанные				h						

Из этих согласных совпадают или почти совпадают с русскими следующие:

p t c k b d j g f s ʃ x z ʒ m n ny l r y.
 = п т ч к б д дж г ф с ш х з ж м н нь л р й.

Дополнительно отметим, что амхарские глухие смычные p, t, c, k придыхательны и близкие к ним оттенки мы произносим по-русски лишь в исходе слова, напр. поп, тот, как. Амхарские шипящие c, j, c', ʃ, ʒ, всегда мягки, как русские литературные ч, щ, жж (напр. меч = m'eś, врачба = vɔɔɓá, щука = ʃʃúka, дрожжи = dɔɔzɔi). При этом нужно учесть, что j — один звук, а не два, как может казаться на основании русской передачи посредством двух букв дж (Jijiga = Джиджига). Амхарское l соответствует обычному западноевропейскому l, среднему между русским ль (l) и ль (l').

Из амхарских согласных, чуждых русскому языку и непередаваемых русскими буквами, обратим внимание прежде всего на звук, обозначаемый апострофом ('), и на серию звуков, обозначаемых апострофированными буквами (p', t', c', k', s'). Это — звуки с закрытием голосовой щели. Русское выражение „от л к м“ будет произнесено невнятно, если мы, следуя обычным принципам русского произношения, сольем предыдущий согласный конец слова

с последующим гласным началом и скажем: „отэлькэм“; чтобы вполне внятно произнести данное выражение, необходимо тщательно отделить то, что мы обычно сливаем в одно целое, а для этого нужно прерывать ток воздуха закрытием голосовой щели и возобновлять его же раскрытием голосовой щели, т. е. производить смычку и размычку голосовых связок, результатом чего является так наз. гортанный взрыв: „от 'эль к 'эм“. Что касается согласных р', т', с', к', они образуются посредством двух одновременных смычек: во-первых должна быть смычка в полости рта (обеих губ для р', кончика языка и верхних резцов для т', передней спинки языка и твердого нёба для с', задней спинки языка и мягкого нёба для к'), во-вторых должна быть смычка голосовых связок. Между обеими смычками заключен известный запас воздуха; будет ли ртовая смычка разомкнута одновременно с гортанной или раньше таковой, воздух выбрасывается одним толчком и производит резкий щелкающий эффект. Эти согласные, вполне обычные и в кавказских языках, называются смычногортанными или эктивными (от лат. ejection „выбрасывание“). Как известно, звуки ц и ч являются сложными согласными (= ts, tʃ), состоящими из смычки t-, размыкаемой щелевыми -s, ʃ; эктивное с' (или tʃ') нам уже знакомо, но в амхарском языке есть и эктивное ts', которое может выполняться без какой-либо ртовой смычки: s'. Звук h — придыхание (русс. ага!, ого!).

Звуки v и w далеки от русского в (звонкого ф), хотя более близкого средства передачи по-русски нет. Первый звук плоскогубный, второй круглогубный; первый можно охарактеризовать как открытое b, т. е. б с неплотной смычкой губ, свободно пропускающей выдыхаемый воздух, тогда как w является согласным по отношению к гласному u (русское у) вроде белорусского ў.

Звук ɲ слышится по-русски лишь в индивидуальной речи (банк = baŋk, он говорит = oŋ gəvaŋ'it), но по-немецки и по-английски это самый обычный звук, напр. finger = fiŋgə, hunger = huŋgə/hʌŋgə.

Не все амхарские согласные равноправны в своем языке. Часть из них вовсе не является фонемами (самостоятельными звуковыми единицами), именно: v, x, ɲ. Звук v служит лишь заместителем неударенного b, напр. Addis-Absba (столица Абиссинии, буквально „новый цветок“) = Addis-Aveva. Звук x замещает h в конце слова, напр. уəh = уəх „этот“. Звук ɲ замещает n перед k, g, k', напр. əŋk'ulal = əŋk'ulal „яйцо“. Ясно, что нет смысла удерживать в транскрипции знаки v, x, ɲ: достаточно писать b, h, n и помнить условия их замещения. Звуки p, p' употребляются лишь образованными абиссинцами; народные массы заменяют эти звуки звуком b. Разница между j и z исторически вполне прозрачна, как будет показано ниже, но в живой речи пропадает в пользу j (кстати сказать, звук z чужд кушитским языкам, а звук j у них обычен). Звук ' в диалекте Шоа заменяет обычное k'; в других диалектах он постоянно предваряет гласное начало слова, напр. af = 'af „рот“ (обозначать это явление в транскрипции лишне).

В кушитских языках строго различаются фонемы d, ɗ; первое — обычное русское зубное d, второе — с заворотом кончика языка

к твердому нёбу. Так, в сомали *dar* „пять“; *dar* „правда“; *dāro* „дома“; *dāro* „клясться“. В семитских языках Абиссинии и Эритреи это различие не нашло себе применения несмотря на обилие кушитских слов в их словарном запасе, но зато *d* допускает оба способа произношения, не внося смысловых различий.

История амхарских согласных показывает постепенную переработку семитского звукового состава в кушитский: характерные для семитских языков гортанные артикуляции (*χ*, *ħ*, *q*, *h*) ослабели и пропали;¹ богатство переднеязычных артикуляций, свойственное семитским языкам, существенно переменялось в силу утраты одного ряда (*š*, *š'* — шумнобоковые согласные, соединяющие артикуляцию типа *s* с артикуляцией типа оглушенного *ль* в русских *льстец*, *воплъ*) и рождения другого ряда (*c*, *j*, *c'* *ʃ*, *ʒ*, *ny*). Кроме того, звук *s'* (или *ts'*) держится в северно-амхарском, но в других диалектах амхарского языка он совпадает с более обычным для кушитских языков *t'*; отсюда колебания в литературном амхарском и в европейских транскрипциях, напр. *Цана* (*S'ana*) и *Тана* (*T'ana*) — название одного и того же озера в Абиссинии. Во многочисленных заимствованиях из эфиопского языка звук *s'* сохраняется и тогда в амхарском языке возникают дублиеты (со стилистическим разграничением: эфиопизмы в амхарском играют роль церковнославнизмов русского языка), напр. *s'eḥau* || *t'au* „солнце“, *pəs'uh* || *pət'u* „чистый“.

Транскрипция согласных звуков языков Абиссинии и Эритреи в семитологической литературе иная, чем принятая в этой работе: эквиваленты обозначаются точкой под буквой (*š*, *ṭ*...), но для *k'* больше принято *q*; шипящие обозначаются чешским способом (*š*, *ž*, *č*...); вместо *ny* пишут *ñ*. Семитские гортанные *χ*, *ħ*, *q* (первое — язычковое *χ*, второе — резкий шопот, третье — сдавленный голос) передаются знаками *ḥ* (лигатура из немецкого *ch*), *h* (по образцу эквивалентов), (греческий *spiritus asper*, т. е. собственно *h*). Знак *q* может выражать арабское *ḍ* низкого тембра, эфиопское *š'* и кушитское ретрофлексное *ḍ*, что затрудняет чтение работ по языкам Абиссинии и Эритреи.

Каждый амхарский согласный может быть лабиализован, т. е. произнесен с округлением губ (*bw*, *mw*, *fw*...*tw*, *dw*, *tw'*... *kw*, *gw*, *kw'*...). Однако, лабиализованные встречаются теперь только перед *a*, следовательно, являются фонемами минимальной самостоятельности.

§ 2. Гласные

В амхарском языке восемь гласных: *i*, *i'e*, *ə*, *e*, *a*, *ɜ*, *o*, *u*. Гласные *i*, *a*, *u* являются крайними точками, примерно соответствующими русским *и*, *а*, *у*. Гласные *i'e*, *o* представляют переход от узкой артикуляции (*i*, *u*) к более широкой (*e*, *o*); в транскрипции

¹ Наличие амхарское *h* является либо результатом ослабления прежнего *k*, напр. *hops* „быть“ (эфиоп. *konp*, араб. *kāpa*), либо средством передачи эфиопских гортанных в заимствованных словах. Посредствующей стадией развития было *x* (т. е. *k* → *x* → *h*, *konp* → *xonp* → *hops*), которое и сохраняется в конце слова, тогда как в других местах слова произошло дальнейшее ослабление *x* → *h*.

вполне достаточно писать просто е, о. Гласные э, ё представляют более узкую (э) и более широкую (ё) ступень так наз. неопределенного гласного; их произношение сильно колеблется в зависимости от соседних согласных — э приближается к і около средних и заднеязычных согласных, но к и или ѱ около лабиализованных, произносясь в других случаях близко к русскому ы; ё приближается к а около заднеязычных согласных, превращается в открытое о (=э) при лабиализованных и произносится в других случаях близко к русскому ударенному е после твердых согласных, напр. цеп (tsep). Таким образом, в амхарском языке семь гласных фонем: звук э является лишь заместителем ё при лабиализованных согласных (однако, в виду слишком большой разницы между звуками ё, э в современном амхарском произношении, приходится сохранять различие знаков ё, э также в транскрипции). После гортанных согласных произошел переход ё → а.¹

Историческое развитие амхарских гласных идет путем переработки прежних количественных отношений в качественные:

прежде	<u>ă</u>	<u>ĩ ŷ</u>	<u>ā ī ū</u>	<u>ay aw</u>
теперь	а, ё, э	э	а і ѱ	е ѱ о

В настоящее время гласные э, ё, э всегда кратки, тогда как гласные і, е, а, о, ѱ бывают трех разных количеств: они кратки перед двумя согласными или перед удвоенным согласным, полудолги в неудвоенном открытом слоге и долги в ударенном слоге, если он кончается не больше, чем на один согласный. Так, ale = ā'le „он сказал“; alle = ā'lle „он есть“; nəgus = nəgū's „царь“; tarik = tāri'k „история“ (первый слог полудолг). Так как количественная разница обусловлена положением и не вносит смысловых различий, нет нужды обозначать ее в транскрипции. Как уже говорилось выше, лабиализованные согласные встречаются теперь только перед а. В прошлом, как можно судить по эфиопскому языку и по архаизмам в амхарском письме, согласные kw, gw, kw', kw встречались также перед другими негубными гласными. В современном произношении все иные случаи, чем лабиализованный + а, переработались в однородные сочетания: kwā → ko, kwə → ku, kwi → ki, kwe → ke (и т. д. по этому типу); напр. Gwəragwe → Gurage „Гураге, название народности и языка в Абиссинии“.

В семитологической литературе принят количественный способ передачи амхарских гласных: а, ā, е, ē для наших е, а, э, ё.

§ 3. Слог и ударение

Амхарский язык не допускает большого скопления согласных подряд. Как правило, встречаются слоги только таких типов: согласный + гласный, напр. па „приходи“; согласный + гласный + согласный, напр. bet „дом“; согласный + гласный + два согласных,

¹ Те редкие случаи, когда в амхарских словах появилось е после h (т. е. слог he'), являются последствием возникновения звука h из прежнего k через промежуточную ступень x. Так, c'ohē „кричать“, которое до сих пор пишется по-амхарски c'ohē.

напр. *həzb* „народ“. Любопытные противоречия вносятся дрожащим согласным *г*: в начале и в конце слова есть тенденция облегчать этот согласный, предворяя его гласным *ə*, напр. *gas* || *əgas* „голова; князь“, *mədɛr* || *mədər* „земля“, но внутри слова звук *г* может принимать участие в скоплении согласных, не требуя вспомогательного гласного, напр. *frank* „франк“ (монета), *uədɛrsbənɪal* „достанется мне“ (три согласных *-tsb-* подряд!). Сонорные согласные могут быть слогаобразующими, напр. *bərhan* || *brhan* „своя“, *ənɪa* || *'nɪa* „мы“.

Стык гласных не допускается; гортанный взрыв, предворяющий гласное начало слова, не оказывает сопротивления гласному концу предыдущего слова, напр. *bɛ* „в“ + *antɛ* „ты“ → *bantɛ* „в тебе“, *əndɛ* „как“ + *ərsu* „он“ → *əndərsu* „ему подобный“. Более узкие гласные при встрече с другими гласными становятся неслогообразующими гласными (так наз. полугласными) *w*, *y*; напр. *azmarɪ* „певец“ + *u* „его“ → *azmarɪw* „его певец“. При этом возникают дифтонги *iw*, *əw* (совершенно чуждые другим семитским языкам). Стык согласного конца предыдущего слова с гласным началом следующего слова образует слог (гортанный взрыв перед гласным началом обычно и здесь отпадает), напр. *Addis-Abəba* = *áddisavɛvá*. Скопление согласных на стыке двух слов обычно разряжается вставкой вспомогательного гласного *ə*, напр. *and* „один“ + *səw* „человек“ → *andə səw* „один человек“.

В конце стиха согласный всегда заключается вспомогательным *-ə*, которое в прозе было бы неуместным, напр.

Yenemma gēta Təwodrosə
Dagmɪyá K'ost'ent'inosə
Nurówan fejjəw bədənkwánə
Amsále/Abrahaməna.

„Мой господин Феодор,
 Второй Константин,
 Жизнь свою провел в шатре,
 Как Авраам“.

Ударение в амхарском языке столь слабое, что не всегда легко обнаружить, на каком слоге оно находится. Смысловые различия вроде русских *ру́ки* — *руки́*, *му́ка* — *мука́* амхарскому языку чужды. Отдельно взятое амхарское слово вообще равноударено и только во фразе приходят логические и эмоциональные ударения, оживляющие речь и настолько непостоянные, что одно и то же слово может в разных случаях иметь ударение на разных слогах, напр. *ábəba* || *abə'ba* || *abəbá* „цветок“ (вроде русских: *на́ гору* || *на го́ру* || *на гору́*). Однако, в старину амхарский язык очевидно имел сильное ударение, которое теперь отражается в виде удвоения некогда предударного согласного, напр. *Addam* „Адам“, *pəggese* „править“, *amṯəst* „пять“ вместо прежних *Adám*, *pəg'e'se*, *amṯst*.

§ 4. Звуковые изменения

При анализе амхарского языка можно обнаружить много фонетических процессов, имевших место в различные эпохи жизни этого языка, а отчасти действующих и по сие время. Недостаточная

¹ Ну выражает один звук, но между гласными он обычно удвоен. Точнее было бы передать *ənu-nu* || *'lu-nu*.

исследованность исторической фонетики языков Абиссинии и, что еще хуже, оторванность абиссиноведных исследований от африканистики в ее целом, являются большими препятствиями для формулировки звуковых законов амхарского языка. Поэтому ограничимся изложением наблюдаемых явлений, воздерживаясь от почти невозможного в наше время показа их закономерности, а значит и строгой обусловленности.

Подавляющее большинство звуковых изменений, наблюдаемых в амхарском языке, принадлежат к процессам ассимиляции (уподобления). Два рядом стоящих звука, как бы они ни были различны, могут быть приведены к сходству (частичная ассимиляция) или к тождеству (полная ассимиляция); бывает взаимодействие и между звуками, стоящими друг от друга на некотором удалении, но в амхарском языке это редко и несущественно. Частичная ассимиляция в амхарском языке бывает по способу и по месту образования звуков. Так, под влиянием кушитских языков, смычные согласные *b*, *k* после гласных ослабляют смычку и становятся щелевыми *v*, *x*; здесь противоречие между смычными (звуками максимального закрытия речевого аппарата) и гласными (звуками максимального открытия) существенно сглаживается, но ассимиляция может пойти еще дальше, превращая щелевой звук *v* в полугласный *w*, а более „густое“ придыхание *x* в более „жидкое“ придыхание *h*; тут уже изменение и по способу и по месту образования. Явление *b* → *v* живо в амхарском языке по сию пору, не распространяясь лишь на удвоенное *bb*; но мы уже говорили выше, что звуки *b*, *v* для амхарского языка составляют одну фонему (нет двух слов, которые отличались бы только тем, что в одном *b*, в другом же *v*), и теперь отметим лишь, что в наиболее ходких словах процесс пошел еще дальше (*b* → *v* → *w* → нуль): напр. *tw'at* „утро“ (эфиоп. *s'əbāh-t*), *t'at* „палец“ (эфиоп. *as'baq-t*). Явление *k* → *x* → *h* нам знакомо из предшествующих объяснений и здесь отметим лишь, что оно живо только в языке тигринья, где после гласных *k* → *x*, *k'* → *x'*; в амхарском имеем лишь последствия, но они касаются даже начального *k*, напр. *konə* „быть“ (эфиоп. *konə*), *hullu* „все“ (эфиоп. *kwəllu*), *hulət* „два“ (эфиоп. *kə'etu*), так как в связной речи начальный согласный слова нередко соприкасается с гласным концом предыдущего слова (это относится и к явлению *b* → *v*, напр. *ṣək'(ə)lo* „мул“ → *bale-vək'(ə)lo* „муловладелец“). Исключительно к месту образования относится изменение носовых согласных, направленное к максимальной однородности с последующим неносовым согласным, именно *nb* → *mb*, *nt* → *nt*, *nk* → *ŋk* и т. д.; важнее всего мена фонем *m* & *n*, напр. *at'ənt* „кость“ (эфиоп. *qas'əm-t*).

Наиболее важным для амхарской грамматики являются ассимилятивные процессы, называемые палатализацией и лабиализацией. Палатализация или смягчение (подъем средней части к твердому нёбу, т. е. к позиции *e* — *i* — *y*) наблюдается у каждого амхарского согласного перед гласными *e*, *i*; напр. *bet* = *b'et* „дом“; *lelit* = *l'el'it* „ночь“.

Лабиализация состоит в округлении губ и в единовременном подъеме задней части языка к мягкому нёбу, как при звуках

о — u — w. Каждый амхарский согласный, стоящий перед о или u, лабиализован; напр. *hod* = *h^ood* „желудок“; *molu* = *m^ool^u* „полнота“. Эти слабые формы палатализации и лабиализации не изменяют фонем: палатализованное *s* слова *set* = *sⁱet* „женщина“, лабиализованное *s* слова *suk* = *s^uuk* „рынок“ и нейтральное *s* слова *sar* „травя“ составляют одну и ту же амхарскую фонему *s* (только в разных условиях). Однако, имеются сильные формы палатализации и лабиализации, которые изменяют фонемы. Сильная палатализация изменяет переднеязычные согласные в среднеязычные, причем шумные согласные превращаются в шипящие, а сонорные не развивают шипящего шума:

$$\left\{ \begin{array}{l} t \ d \ t' \ s \ z \ s' \ n \ l \\ \rightarrow c \ j \ c' \ \text{ʃ} \ \text{ʒ} \ c' \ \text{ny} \ y \end{array} \right\}, \text{ но } r \text{ не изменяется.}$$

Сильная лабиализация превращает два звука в один (здесь не должно смущать письмо: ради технической простоты пишем две буквы, напр. *kw*, вместо одной буквы со специальным дополнительным знаком). Так как сильная лабиализация встречается лишь перед *a*, то сильно лабиализованные согласные не являются столь самостоятельными единицами, как сильно палатализованные, но все-таки они являются фонемами, различая разные слова, как напр. *tw^at* „утро“, но *t^at* „палец“. Для обоих процессов — лабиализации и палатализации — весьма характерен приводящий к ним процесс абсорпции (впитывания звука звуком). Так, напр. сочетание *ali* „они сказали“ + *at* „ей“ → *alwat* „они сказали ей“; здесь фонема *u* не просто превращается в фонему *w*, но впитывается в фонему *lw* (= *l^w*). Вместо старого *anti* „ты“ (жен.) находим в амхарском *apci* || *apc*; в последней форме гласный *i* впитался в согласный *s*. Причина разницы между слабой и сильной формой палатализации пока остается невыясненной; она кроется в истории амхарского языка и, повидимому, не представляет существенных отличий от подобных же явлений в славянских языках [но по-русски палатализованные согласные являются фонемами, напр. *цел*: *цель*, *вес*: *весь*, *мол*: *моль* (*p*: *p'*, *ʃ*: *ʃ'*, *ʔ*: *ʔ'*)].

Полная ассимиляция встречается преимущественно у грамматических элементов: показатель возвратности *t* ассимилируется последующему согласному, когда вступает с ним в контакт, напр. *uəkk'əmmət* „он садится“ вместо *uə-t k'əmmət*; отрицание *al-* ассимилирует свой согласный следующему *t* (нередко и другим согласным), напр. *attek'əmmet'əm* „он не сел“ вместо *al-tək'əmmet'ε-m*.

Диссимилятивные процессы, делающие однородные звуки слова разнородными, в амхарском языке не наблюдаются или связаны с какими-либо другими процессами; так, может быть, *ənc'et* „дерево“ из *əsc'et* со вторичным удвоением (эфиоп. *qəš'*); *uəzε* „взять“ вместо *'a'azε* из *'ahazε* (эфиоп. *'axazε*).

§ 5. Абиссинское письмо

Абиссинское письмо южноарабского происхождения. Древне-южноарабские надписи (минейские, сабейские и др.) выполнены знаками рунического характера, выражающими только согласные

звуки (29 знаков). Направление письма первоначально обоюдное — одна строка слева направо, другая справа налево и т. д.; это явление известно нам и из древнегреческих надписей (оно называется *bustrophēdon*). Впоследствии победило направление справа налево (у греков наоборот победило направление слева направо). Слово от слова отделяется вертикальной чертой, перенос со строки на строку свободен (хотя бы переносилась одна буква из слова), но знака переноса не существует.

Одна из древнеэфиопских (аксумских) надписей IV века н. э. выполнена без огласовки, но вся остальная абиссинская письменность пользуется слоговым письмом: каждый знак письма выражает слог, напр. be, bu, bi, ba, be, ba, bo (это, как принято выражаться, семь порядков абиссинского письма); удвоение согласного ничем не обозначается, а шестой порядок может обозначать как согласный + э, так и согласный без огласовки (напр. te-le-ga-ga-fa читается *telegrafi*). Из прежних 29 знаков южноарабского письма осталось 24, так как пять южноарабских согласных в эфиопском языке уже не было; однако, два новых знака было добавлено из греческого алфавита ($\pi = p'$, $\psi = p$). Форма знаков более или менее изменилась, но узнать южноарабские знаки в абиссинском письме еще можно. Одной из причин изменения формы является направление письма слева направо, принятое в Абиссинии, вероятно, под византийским влиянием (в связи с принятием христианства в IV в.). Слово от слова отделяется двоеточием и все знаки препинания выработаны из двоеточия. Перенос со строки на строку остался свободен и знака переноса не имеется. Старое начертание знаков использовано для наиболее ходкой огласовки — ä (чаще всего звучит e); это — первый порядок или „гезз“. Прочие порядки образованы из первого путем небольших привесков и переделок; любопытно стремление обозначить узкие гласные i, u одинаковым привеском (°), но на разной высоте, и гласные среднего раствора e, o одинаковым привеском (°) тоже на разной высоте. Кроме того, выработались особые знаки для слогов с лабиализованными согласными. Для писания на живых языках Абиссинии сохраняют старый эфиопский фонд, хотя многое уже там бесполезно для современного абиссинца, и прибавляют новые знаки, сконструированные из старых, для обозначения звуков, не существовавших в эфиопском языке. Так, для писания и печатания по-амхарски требуется:

основных эфиопских знаков	26 × 7	порядков	= 182
лабиализованных к ним же	4 × 5	„	= 20
добавочных амхарских знаков	7 × 7	„	= 49
лабиализованных к ним же	20	(только перед a)	= 20

Итого 271

Кроме того, цифры (едва узнаваемые греческие буквы) — 20 знаков и знаки препинания — пять знаков. Общий итог для наборной кассы — 296 знаков!